
Российская академия наук
Уральское отделение

НАУКА. ОБЩЕСТВО. ЧЕЛОВЕК

Вестник Уральского отделения РАН

№ 3(9)

Екатеринбург, 2004

НАУКА. ОБЩЕСТВО. ЧЕЛОВЕК. Информационный вестник Уральского отделения РАН. № 3(9). Екатеринбург: УрО РАН, 2004.

Информационный сборник — Вестник Уральского отделения РАН - издание, в котором освещаются наиболее значимые итоги научных исследований сотрудников институтов Отделения, обсуждаются глобальные проблемы и задачи, на решение которых необходимо мобилизовать интеллектуальный потенциал уральских ученых.

В издании представлены материалы о научных направлениях и достижениях институтов УрО РАН, как фундаментальных, так и прикладных. Ряд статей посвящен памяти выдающихся ученых, внесших неоценимый вклад в развитие науки, а также первым успешным шагам молодых исследователей. Содержится информация о важнейших научных разработках и планах, юбилейных датах, новых, вышедших в свет книгах.

Вестник ставит своей целью обеспечение научной общественности информацией о деятельности ученых Отделения, новых направлениях исследований, о людях, работающих в науке, о том, какие задачи они решают сегодня.

Адресован научным сотрудникам, студентам вузов и всем, интересующимся актуальными проблемами и состоянием современной науки.

Редакционный совет: академик **В.А. Черешнев** (главный редактор), чл.-корр. **Е.П. Романов** (зам. главного редактора), чл.-корр. **В.Н. Чуканов** (зам. главного редактора), академик **В.В. Алексеев**, чл.-корр. **В.И. Бердышев**, академик **В.Н. Большаков**, чл.-корр. **О.В. Бухарин**, чл.-корр. **Ю.А. Изюмов**, академик **В.А. Коротеев**, академик **Б.В. Литвинов**, академик **В.П. Матвеев**, академик **М.П. Рощевский**, чл.-корр. **А.И. Татаркин**, академик **В.Н. Чарушин**, академик **О.Н. Чупахин**, чл.-корр. **Ф.Н. Юдахин**.

Редколлегия: **В.Н. Чуканов** (ответственный редактор), **Б.А. Евсеев** (зам. ответственного редактора), **Г.В. Иванов**, **А.Ю. Позизовкин**, **Ю.В. Шинкаренко**.

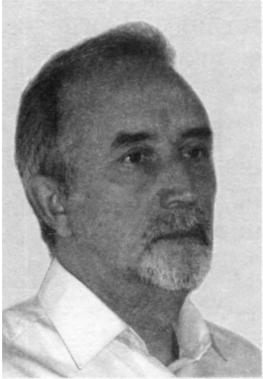
Адрес редакции: 620219, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 20

Телефон: 374-37-71

Факс: 374-37-71

E-mail: llv@ecko.uran.ru; vestnik@prm.uran.ru

ИСТОРИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Н.Г. Смирнов
член-корреспондент РАН

Один директор, три поколения замов и триста сподвижников

ИЭРиЖ УрО РАН в 1976—2004 годах

Один директор с 1976 года

В мае 1976 года ушел из жизни академик АН СССР, директор Института экологии растений и животных УНЦ АН СССР С.С. Шварц, и это событие закрыло особую главу в уральской биологии. Она вместила в себя множество важных событий, трудов и достижений, но главным для Института было то, что он превратился из обыкновенного провинциального биологического учреждения в коллектив с ярко выраженным своеобразием перспективной тематики, в явного лидера популяционной экологии в СССР. Для будущего Института еще важнее было то, что в коллективе укрепился дух азартного научного поиска, осознание своего уникального места в научном сообществе. Было совершенно нормальным, если сотрудник уходил с работы поздним вечером и, оглядываясь, видел, что в доброй половине окон еще горит свет. Встречаясь с коллегами из других институтов, мы часто ощущали превосходство в том, что сегодня можно назвать развитым корпоративным началом. За счет частых научных собраний в Институте все знали о достижениях коллег из других лабораторий и отделов, что редко можно было обнаружить у столичных коллег. Не только ежегодные молодежные конференции, но вообще

значительная роль в жизни коллектива молодежной его части порождали здоровый дух постоянной тяги к новому: в методах, идеях, да и во всей повседневной жизни.

Совсем не случайно Институт возглавил человек в возрасте всего 42 лет. В.Н. Большаков до этого уже был заместителем директора по научной работе и заведовал лабораторией. Других вариантов, по сути, и не было. Руководство Уральского научного центра, проводя это назначение, наверняка имело в виду обстоятельства, которые должны были способствовать успешной работе нового директора:

— в таком возрасте человеку легко начинать новое дело, он еще восприимчив к новым веяниям и идеям; еще нет усталости и равнодушия, есть здоровые амбиции и желание много достичь;

— бесспорный высокий профессионализм в науке, подтвержденный докторской степенью и авторитетом в научном сообществе страны;

— для большей части коллектива это “свой” человек: он профессионально вырос и сформировался в этом коллективе и прекрасно знает его;

он известен с хорошей стороны не только в Институте, но и в других академических подразделениях Свердловска, так как имел

опыт работы в парткоме УНЦа, считающего В.Н. Большакова человеком, умеющим работать с людьми;

— личные качества претендента на директорское место давали уверенность, что он “не раздуется” от важности и его никуда не “занесет”. Еще в те годы всем была известна его непритязательность в бытовых делах;

— можно было не сомневаться, что он обеспечит преемственность развития тематики института, а не начнет разрушать все лучшее, что там создано, переделывая институт “под себя”;

— руководство УНЦа могло быть уверено, что в отличие от любого претендента со стороны В.Н. Большаков идет на пост директора не для того, чтобы получить место в Академии, а затем уехать в столицу.

Верность каждого из этих пунктов подтвердила жизнь. Действительно, став и членом-корреспондентом, и академиком, он никуда не уехал, не оставил Институт, хотя соблазнительные предложения неоднократно поступали.

Сложно занять место сильного, единовластного лидера, каким был академик С.С. Шварц. Любой новый директор на годы оказывался обреченным на сравнения...

Каждый в Институте, кто работал при этих двух директорах, не кривя душой, может сказать, что оба эти руководителя сильны по-своему. По прошествии какого-то времени, быть может, найдется историк науки, который проведет сравнительное исследование эффективности руководства коллективом этих руководителей с учетом различных требований времени, сдвига в психологии раз-

ных поколений научных работников и многих других факторов.

За время работы на посту директора Института с мая 1976 года до сегодняшних дней многое изменилось в стране, в Академии наук, в Институте. Изменился и сам руководитель. Всем, кто с ним работает, хорошо известна его страсть к путешествиям. Когда он уезжает из Института, а без него здесь происходят какие-нибудь торжественные события, то он на прощание всегда говорит одну и ту же фразу: “Я мысленно с вами”. К этому все привыкли, так как директор и его Институт действительно живут общей жизнью.

Как живет в Институте?

В ИЭРиЖ в 1977 году работало 477 человек, в 1985 году — 514, а сейчас 305 человек. Такая разница, прежде всего, связана с тем, что созданные в свое время Пермский отдел экологии и генетики микроорганизмов и Оренбургский отдел экологии степных ландшафтов были выращены до самостоятельных институтов и соответственно в 1988 и 1996 годах отделились и успешно развиваются самостоятельно. В 1988 году Ботанический сад слился с Лесной опытной станцией, в результате чего родился Институт леса. Однако просуществовал он недолго, и Ботанический сад теперь процветает как самостоятельное учреждение в составе УрО РАН.

Об изменении качественного состава Института с конца 1970-х годов до 2004 года можно корректно судить, если брать в расчет только центральную часть, т. е. и для тех далеких лет не учитывать Пермский отдел, Салехардский стационар и Ботанический сад, который сейчас не входит в состав Института. Численность остальной, относительно стабильной по структуре, части Института в 1977 году составляла 328 человек (научных сотрудников 94), а в 2003 году — 305 человек (научных сотрудников 181). Членов академии в Институте в 1977 году не было, сейчас два академика и один член-корреспондент РАН. Докторов наук в 1977 году было 10 человек, а в 2004 — 30. Кандидатов наук соответственно 54 и 85 человек. Эти цифры показывают, что доля научных сотрудников к общей численности выросла очень заметно. Главное, что работников высшей квалификации стало

в Институте много больше. 30 докторов наук для регионального института с численностью в 300 человек — очень неплохой показатель.

Сфера деятельности Института — Урал, Предуралье и Зауралье, однако залог серьезности занятия наукой в том, что Предуральем принято считать территорию от Урала до Атлантики, а Зауральем — от Урала до Тихого океана. Это не просто амбиции. Когда ставится задача исследования популяционной структуры вида с широким ареалом, то он так и исследуется — в пределах мирового ареала. В итоге подобных работ в коллекциях институтского музея хранятся экземпляры леммингов, собранные от Кольского полуострова до Чукотки в пределах Евразии, а еще, благодаря коллегам, временно работающим за рубежом, они пополнились сборами с Аля-

ски, островов Канадского архипелага и Гренландии. Остается только неясным, куда включать западное полушарие: в Предуралье или в Зауралье? Ботаники не только не отстают, а быть может, находятся в авангарде этой экспансии уральской науки на континентальный и планетарный уровни. Так, профессор В.А. Мухин привлек лучших мировых специалистов из международной группы арктоальпийской микологии сначала для изучения уральских объектов своей науки, а потом в этой же достойной компании провел сравнительные исследования по горам и тундрам почти всей Северной Евразии тоже с прилегающими территориями (Гренландия, Китай и др.). Профессор С.Г. Шиятов пошел по этому пути еще дальше. Вся его лаборатория включена в крупные международные и междисциплинарные проекты, в основе которых

анализ дендрохронологических данных для понимания закономерностей глобальных изменений климата. Понятно, что глобальные процессы имеют региональные особенности, но эти два аспекта невозможно полноценно исследовать в отрыве друг от друга. Важно, что к моменту открытия нашего города для зарубежных коллег многие сотрудники оказались востребованными международным научным сообществом, прямо по пословице: “не место красит человека, а человек место”.

Кроме региональной специфики, Институт имеет ряд особенностей, отличающих его жизнь от многих других научных коллективов. Прежде всего, это то, что наукообразно можно определить как высокий уровень личной мотивации большинства сотрудников получать крупные научные результаты, а попросту говоря — большой энтузиазм. Он проявляется во многом. Годами выработалась традиция работать, несмотря на любые трудности. Люди, которые привыкли добывать материал в экспедициях, где рассчитывать в борьбе со стихиями и обстоятельствами можно только на членов своего маленького полевого отряда, многие преодолевают их легко. Такие люди с юмором пережили постановления советского периода вроде борьбы за “трудовую дисциплину”, совершенно бессмысленной в коллективе, где большинство работников сидят над своими рукописями и таблицами не только в Институте, но и дома, по выходным и в отпуске. Для них наука занимает в жизни не только первое место, но и второе, и третье...

Значительно суровее оказалось испытание в начале 1990-х годов, когда казалось, что теряется последняя возможность заниматься своим делом и при этом жить на средства, получаемые от государства. Руководство Института тогда не пошло по пути массовых сокращений, и не “пустилось во все тяжкие” по линии сомнительных коммерческих проектов. В известной степени мы оказались “преадаптированы” к самостоятельному добыванию средств для занятий наукой. В Институте давно бытовала практика работы по хоздоговорам, даже в те времена, когда за их счет нельзя было платить сотрудникам зарплату. Институт с давних пор активно продвигал свои идеи при обсуждении таких острых проблем, как переброска северных рек в Казахстан и Среднюю Азию, вел масштабные договорные работы по экологической

экспертизе и оценке ущерба природной среде в процессе освоения нефтяных и газовых богатств Ямала и Ханты-Мансийского округа. В отличие от некоторых других институтов Академии, наши сотрудники накануне перехода к конкурсам за получение грантов уже имели навыки и психологический настрой не в одиночку, а коллективно бороться за средства для занятия наукой. В результате из Института “не утекали мозги” за рубеж, и в коммерцию ушли безвозвратно немногие молодые сотрудники, а связи с образованием окрепли (многие стали по совместительству преподавать). Еще одно следствие трудного времени — повысилась конкурентная борьба за достойное место в Институте, но эту борьбу руководство направило в такое русло, которое укрепило позиции коллектива в целом.

Поскольку в фундаментальной науке, хотим мы этого или нет, главный формальный критерий успеха — публикации в престижных рецензируемых журналах, то необходимо было поднимать количество таких публикаций. Была выработана и принята на Ученом совете специальная система поощрения для людей, у которых таких публикаций больше. В результате, кроме разовых крупных премий в конце года, каждый квартал такие сотрудники получают надбавки к зарплате, у лидеров соотносимые с размером оклада.

Среди приоритетов жизни Института — специальная молодежная политика, существующая в виде системы поощрений, привилегий, часть которых раздаются просто по возрастному критерию, а часть на конкурсной основе. Разумеется, речь идет не о конкурсах красоты среди аспиранток, а о специальных премиях за лучшие научные работы, представленные на молодежной конференции, специальные молодежные дотации для полевых работ и командировок аспирантам и аспиранткам, надбавки к зарплатам молодым сотрудникам для приобретения научной литературы. Эти меры в совокупности с тем, что делает для молодежи УрО РАН, дают результаты. Любой приезжающий из других мест коллега поражается, как много в Институте толковых молодых сотрудников, с которыми интересно говорить на самые современные научные темы.

Понятно, что эта молодежь не “самозарождается” в Институте, а приходит из вузов, и главным образом, с биологического факультета Уральского университета, где с ними с пер-

вых курсов начинают работать не только штатные преподаватели, но и совместители из ИЭРиЖ. Тремя основными кафедрами на факультете заведуют сотрудники Института — академик В.Н. Большаков, профессор В.А. Мухин, член-корр. РАН Н.Г. Смирнов, а многие сотрудники читают спецкурсы, ведут практические занятия и полевые практики. В отдельные годы подавляющая часть студентов (зоологов, ботаников и экологов) делают курсовые и дипломы на базе институтских лабораторий. Многие преподаватели работают по совместным темам с сотрудниками Института. Так что интеграция вузовской и академической науки здесь уже состоялась.

Основа сегодняшнего здорового климата в коллективе — баланс интересов Института, лабораторий как основных ячеек коллектива и отдельных сотрудников. Он складывался очень не просто, долго и мучительно. Большую роль в формировании этого баланса в самой интимной (денежной) сфере играли грамотные решения экономистов Института В.А. Кодочиговой и Г.А. Буренковой.

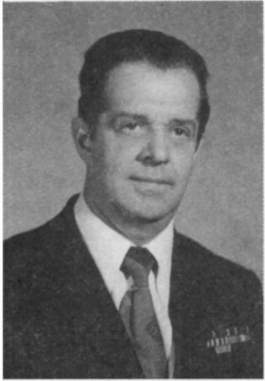
Три поколения заместителей директора по научной работе как зеркало последней российской революции

Академик В.В. Алексеев считает, что на рубеже XX и XXI веков Россия пережила настоящую социальную революцию. Такие потрясения не могли не сказаться на Академии наук как структуре, на всем научном сообществе, его коллективах и на отдельных людях. Попробуем проследить самые значимые перемены, прошедшие через судьбы немногих, но ярких людей. Все они, каждый в свое время, были или остаются на виду. От их работы многое зависело в жизни Института. Одни были командой директора, а другие остаются в ней и сейчас.

Поколение первое — В.Г. Оленев и Г.П. Блохин

В.Г. Оленев (1923 г. р.) проработал в Институте 33 года, придя сюда в 1955 году. Мужчин этого года рождения осталось ничтожно мало. Он принадлежит к поколению, которому мы обязаны победой в Великой Отечественной войне. Валентин Григорьевич не просто участник войны, он начал боевой путь офицера после школьной скамьи и Свердлов-

ского пехотного училища и вернулся с фронта на студенческую скамью биофака университета, имея на груди ордена и медали, среди которых исключительно редкий для младших офицеров орден Святого Александра Невского.

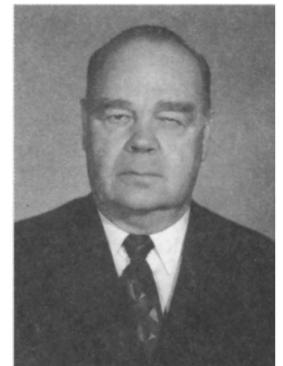

Он учился и одновременно работал на кафедре зоологии, помогал вести занятия и практики со студентами, а когда потом пришел в Институт, то активно включился в научную работу. Кроме обычных университетских знаний, В.Г. Оленев — знаток живой природы и прекрасный натуралист, обладает особым взглядом на нее. Эти качества отличают настоящего полевого эколога от теоретика, помогая понимать процессы, происходящие в природе с большей глубиной и с учетом сложных, порой неожиданных связей между явлениями. Валентин Григорьевич быстро сделал кандидатскую работу на тему “Сезонные изменения некоторых морфофизиологических признаков грызунов в связи с динамикой возрастной структуры популяций”, защитил ее, и его, безусловно, ждала успешная научная карьера, но жизнь заставила выбрать другой путь. Его учитель и наставник С.С. Шварц попросил В.Г. Оленева стать помощником в административных делах. Валентин Григорьевич не мог отказать и в 1964 году стал ученым секретарем, взвалив на себя тяжкий труд писания множества казенных бумаг, походы в райкомы и исполкомы, давая возможность директору больше заниматься научными делами. В 1978 году В.Г. Оленев переведен на должность заместителя по научной работе и проработал в этом качестве до выхода на пенсию в 1988 году. Перейдя на административную работу, он не смог совмещать ее с личным научным творчеством, отдавая все силы работе в интересах всего Института. Занимаясь “внутренними” делами Института, он прекрасно пользовался искусством общения с людьми. Двери кабинета Валентина Григорьевича были всегда открыты в буквальном смысле этого слова. Каждый сотрудник мог прийти к нему с любым вопросом и никогда не уходил, не получив, как минимум, необходимой порции внимания. На его же плечах лежала тяжелая обязанность быть посредником

между местными органами власти и Институтом. Сегодняшнему молодому поколению научных работников трудно себе представить, что лет пятнадцать назад их старших коллег мог вызвать к себе замдиректора по науке и среди рабочего дня отправить, например, чистить снег с крыши и широких балконов райисполкома. С нами такое бывало, и не раз, не говоря уж об ежегодных поездках на овощебазы, уборку овощей, подметание мусора на улицах. Было очень обидно, что власти так используют сотрудников Академии наук. В.Г. Оленев не меньше других переживал это унижительное положение, но так умел поговорить с коллегами, что нерадостные “задания” оказывались выполненными. Однако далеко не это было главным в его деятельности. Работая с другим заместителем директора по научной работе Г.П. Блохиным, они прекрасно дополняли друг друга, так как принадлежали к одному поколению, и на многие вопросы в работе и в жизни имели одинаковые взгляды. Уходя на пенсию, Валентин Григорьевич откровенно говорил, что он устал, что ему трудно приспособиться к новым временам, наступление которых он ощущал очень чутко. Это был мужественный шаг — уйти, когда еще есть здоровье и силы работать, но понимая, что твои лучшие годы уже позади. Сейчас В.Г. Оленев изредка заходит в Институт, и все, кто с ним работал, от всей души рады его видеть. Он, как и раньше, по-военному подтянут, аккуратен, держит прямо плечи, всегда идеально выглядит и немного грустно шутит о своей пенсионной жизни. Его научную жизнь продолжает сын — старший научный сотрудник нашего института к.б.н. Г.В. Оленев, завершающий работу над докторской диссертацией, тема которой в известном смысле продолжает идеи, заложенные его отцом.

Г.П. Блохин (1915—1993), по образованию физик, кандидат физ.-мат. наук, до прихода в Институт работал в ИФМ, затем ученым секретарем Президиума УФАН СССР, заместителем председателя Президиума. Человек с таким опытом легко решал многие институтские проблемы, особенно касающиеся снабжения лабора-

между местными органами власти и Институтом. Сегодняшнему молодому поколению научных работников трудно себе представить, что лет пятнадцать назад их старших коллег мог вызвать к себе замдиректора по науке и среди рабочего дня отправить, например, чистить снег с крыши и широких балконов райисполкома. С нами такое бывало, и не раз, не говоря уж об ежегодных поездках на овощебазы, уборку овощей, подметание мусора на улицах. Было очень обидно, что власти так используют сотрудников Академии наук. В.Г. Оленев не меньше других переживал это унижительное положение, но так умел поговорить с коллегами, что нерадостные “задания” оказывались выполненными. Однако далеко не это было главным в его деятельности. Работая с другим заместителем директора по научной работе Г.П. Блохиным, они прекрасно дополняли друг друга, так как принадлежали к одному поколению, и на многие вопросы в работе и в жизни имели одинаковые взгляды. Уходя на пенсию, Валентин Григорьевич откровенно говорил, что он устал, что ему трудно приспособиться к новым временам, наступление которых он ощущал очень чутко. Это был мужественный шаг — уйти, когда еще есть здоровье и силы работать, но понимая, что твои лучшие годы уже позади. Сейчас В.Г. Оленев изредка заходит в Институт, и все, кто с ним работал, от всей души рады его видеть. Он, как и раньше, по-военному подтянут, аккуратен, держит прямо плечи, всегда идеально выглядит и немного грустно шутит о своей пенсионной жизни. Его научную жизнь продолжает сын — старший научный сотрудник нашего института к.б.н. Г.В. Оленев, завершающий работу над докторской диссертацией, тема которой в известном смысле продолжает идеи, заложенные его отцом.

торий оборудованием и реактивами. Он же курировал от дирекции работу бухгалтерии. Его обстоятельность, неторопливость, неизменно доброжелательное отношение к людям создавали особую благоприятную обстановку, вызывая уважение и симпатию сотрудников.

Второе поколение — Л.Ф. Семериков (1939—1995)

Он работал в Институте с 1974 года, а с 1988 по 1995 год был заместителем директора Института по научной работе, сменив на этом посту Г.П. Блохина. С 1988 года он руководил вновь созданной лабораторией популяционной экологии растений. В 1995 году Леонид Филатович скоропостижно скончался, и после его смерти в молодой лаборатории не осталось лидера. Лабораторию тогда поддержал своим опытом и авторитетом друг Л.Ф. Семерикова, д.б.н. профессор Н.В. Гловтов, а в 1998 году место отца занял сын и ученик к.б.н. В.Л. Семериков (1962 г. р.).

Леонид Филатович Семериков проработал в Институте 21 год и оставил в его развитии очень яркий след. Этот физически могучий человек любому делу отдавался со страстью, со всей силой

своих разносторонних способностей, с особым азартом набрасывался на решение сложных научных задач. Образование, полученное на лесохозяйственном факультете УЛТИ, он дополнял разносторонним чтением, занятиями математикой, а опыт работы в лесном хозяйстве и преподавания в Кубанском госуниверситете дали ему большой жизненный опыт. В Институт он пришел уже зрелым человеком и сложившимся исследователем, убежденным сторонником идей важности исследования популяционной структуры видов — как основы не только для понимания устройства популяционно-видового уровня организации жизни, но и базы для проведения природоохранных и генетико-селекционных мероприятий и семеноводства в лесном деле. Эти лучшие устремления, могучая энергия по сбору полевых данных в сочетании с развитым статистическим

аппаратом воплотились в его выдающейся работе по изучению популяционной структуры дуба черешчатого. После защиты докторской диссертации он семь лет, параллельно с заведованием лабораторией, работал заместителем директора Института по научной работе. На этом посту он сделал много полезного для Института: составлял и координировал работы по комплексным программам, курировал весь комплекс экспедиционных работ и деятельность стационаров, ведал обеспечением крупного оборудования. Административная работа его часто тяготила, так как любое дело он принимал близко к сердцу, переживая как личное горе разные постановления, расходящиеся со здравым смыслом; кроме того, его глубоко ранили обычные производственные разногласия, которые другой человек с чиновничьим взглядом на работу вообще бы не заметил. Но все эти тяготы забывались, когда ему удавалось вырваться на полевые работы. Трудные экспедиции на Север стали для него и страстью, и отдушиной. Там он воплотил свою давнюю мечту — сам построил парусно-моторную яхту “Флора” и был ее капитаном. Это было настоящее исследовательское судно, прошедшее для сбора материалов многие большие и средние западно-сибирские реки, обогнувшее Газовский полуостров и ходившее по Обской губе. Осенью, возвращаясь по окончании навигации и привозя для обработки богатые коллекции, он показывал стертые в кровь, огрубевшие руки и с горящими глазами рассказывал, как были пройдены самые опасные мили и шторма. Несколько лет подряд, каждую осень он говорил, что эта навигация была последней, что он устал от перенапряжения, от необходимости разрываться между капитанскими обязанностями, вахтами и научной работой, но следующим летом все повторялось, пока сердце этого могучего человека не остановилось. Его погубила не столько напряженная работа — она была ему в радость. Но Леонид Филатович очень болезненно переживал все, что происходило в политической жизни страны, а распад СССР — как глубокое личное горе. Это был в самом высоком смысле ученый — патриот своей страны, своего коллектива, своей науки, привыкший гордиться общими победами и успехами как личными, а неудачи и поражения переживал еще глубже. Таких людей становится в нашей науке совсем

мало, так пусть хотя бы добрая память о них не уходит вместе с эпохой, их породившей.

В одно время с Л.Ф. Семериковым (1988—1992) заместителем директора по науке был д.б.н. Н.Г. Смирнов, который после смерти Леонида Филатовича еще раз занимал эту должность (1995—1999). Этот же не легкий хлеб в свое время вкусил д.б.н. О.А. Жигальский (зам. директора с 1993 по 1998 годы). Д.б.н. А.Г. Васильев работал заместителем директора по научной работе один год — с 1998 по 1999.

Поколение третье — В.Д. Богданов (1953 г. р.) и Е.Л. Воробейчик (1965 г. р.)

История этого поколения замов не имеет завершения. Еще никто не знает, куда повернется судьба Академии и Института в ближайшие годы, но как они, новые замы, начали — уже известно.

В.Д. Богданов окончил Пермский университет в 1975 году и попал на работу в ИЭРиЖ в лабораторию экологии рыб и водных беспозвоночных, откуда сразу перевелся в Салехардский стационар. Там, в Лабытнангах, у полярного круга, жизнь была наполнена далеко не только северной романтикой, а планомерной научной работой по изучению закономерностей воспроизводства сиговых рыб, и в результате в 1983 году он получил диплом кандидата биологических наук. В 1986 году он вернулся в Свердловск, в ту же лабораторию, где начинал работать, но уже старшим научным сотрудником. С 1991 года В.Д. Богданов руководит лабораторией экологии рыб, а в 1998 году становится первым в Институте доктором биологических наук по специальности “ихтиология”. С 1999 года начинается его работа в должности заместителя директора по научной работе.

Его кабинет сильно изменился с тех лет, когда там работал Л.Ф. Семериков, но ведь и времена изменились. Теперь всю северную тематику Института курирует Владимир Дмитриевич. А кто же еще так хорошо знает все тонкости общения с работниками администраций округов и районов, с руководителями фирм, где приходится отстаивать научные и природоохранные интересы? Он в Институте — “министр по внешним связям”. Он же координирует весь комплекс экспедиционных работ Института, причем так, что теперь мы не ощущаем себя вдали от жилых мест от-

шельниками и робинзонами. В полевых отрядах есть современные средства связи, транспорт, весь комплекс современной экипировки профессиональных полевых работников.

О молодом сотруднике отдела прикладной экологии Евгении Воробейчике в Институте знали мало, так как он был “пришлым”: не учился в Уральском университете (он окончил с отличием Днепропетровский госуниверситет, а в Институт пришел работать в 1987 году как специалист по почвенной мезофауне). Он стал замечен, когда в Совете молодых ученых внес в работу новую, свежую струю. А совсем знаменитым он сделался в 1998 году, когда вместе с И. Михайловой и С. Мухачёвой получил Госпремию РФ для молодых ученых — за разработку проблем экологического нормирования. Такие премии учреждены недавно, и попасть в число лауреатов сотрудникам Уральского отделения стало заметным успехом не только для Института, но для уральской науки вообще. Понятно, что получению таких премий предшествует большая работа. Она велась в лаборатории популяционной экотоксикологии (завлаб. д.б.н. В.С. Безель). Эта лаборатория в те годы бурно развивалась, и в этом развитии чрезвычайно важен верный выбор места приложения сил. Им стала одна из самых проблемных, с точки зрения загрязнения промышленными выбросами, территорий Свердловской области окрестности деревни Хомутовка, что находится под облаками выбросов СУМЗа. Там эта лаборатория и организовала стационар для полевых работ. На полигоне ставились эксперименты, собирался материал для сложных аналитических работ в лабораториях.

В возрасте 33 лет Е.Л. Воробейчик становится заместителем директора по научной работе (в 1998 году), а в 2003 году он принял лабораторию популяционной экотоксикологии от д.б.н., профессора В.С. Безеля, которого неумолимое правило заставило по возрасту перейти в “рядовые” ведущие научные сотрудники.

В кресле заместителя директора Е.Л. Воробейчик выглядит вполне уверенно, как и на трибуне Ученого совета. Он полноценно продолжает работать в науке, обладает высокой общенаучной культурой, следит за всеми новациями в управлении наукой и использует в работе науковедческие знания, успеваешь курировать вопросы внутренней жизни Института — аттестации, конкурсные комиссии, продвигает активную политику по стимулированию пуб-

ликаций результатов в престижных изданиях. Никто из аспирантов не может предугадать, с каким результатом он выйдет с экзамена по специальности из кабинета Евгения Леонидовича. Некоторые делают это по несколько раз. Известно, что молодые экзаменаторы — самые строгие, но в данном случае дело не в возрасте. Строгость — результат заботы о престиже Института: не должно быть такого, чтобы, проучившись здесь в аспирантуре, человек имел пробелы в образовании. Еще можно добавить, что доктором наук Е.Л. Воробейчик стал в 2004 году.

Кроме директора, все эти три поколения его заместителей объединяет еще один удивительный человек — Нина Петровна Пичугина. Ее трудовой путь в Институте прост: аспирантура по ботанике, защита диссертации, а с 1978 по 2003 годы она ученый секретарь Института и заваспирантурой. Если бы ее энергичная и открытая людям натура ограничивала себя этими служебными обязанностями, то, быть может, о ней и не стоило специально писать в этом очерке. Но все 25 лет работы ученым секретарем она была формальным и неформальным центром общественной жизни коллектива. К ней шли за любыми делами, которые часто совсем не касались ее прямых обязанностей, но она каждому старалась помочь. Ее работа комсоргом ЦК ВЛКСМ при Уральском научном центре дала такой опыт организационной работы, что проведение в Институте любого, пусть даже всесоюзного совещания было для нее простым и привычным делом. Она, как и положено комсомольскому вожаку, всегда была в первых рядах в любом общественном деле. И с годами у нее не пропало искреннее желание помогать молодежи, так что взыскательная зав. аспирантурой не только требовала, но и всячески пестовала своих подопечных. Недаром в течение многих лет на каждой защите кандидатских работ в заключительном слове соискатели всегда говорят ей слова благодарности, часто с не меньшей теплотой, чем руководителю.

О развитии отдельных научных направлений

В.Н. Большаков создал в Институте и на протяжении тридцати лет руководил лабораторией экологических основ изменчивости организмов, которая многие годы была самой

крупной и состояла из нескольких групп, занимавшихся изучением разных аспектов изменчивости и экологическими адаптациями животных. Эти направления остаются традиционными для Института и успешно развиваются в ряде преобразованных лабораторий. Существенно укрепилась тематика некоторых из них, например, цитогенетическое направление. Руководитель и создатель группы цитогенетики д.б.н. Э.А. Гилева имеет признанные заслуги в деле изучения разных аспектов изменчивости хромосомных наборов грызунов. В ее активе решение ряда сложных случаев таксономии полевок и открытый ею уникальный механизм переопределения пола у леммингов и использование хромосомных нарушений у грызунов в качестве индикатора неблагоприятного состояния среды для человека. В 2004 году ей вместе с академиком В.Н. Большаковым была присуждена премия РАН им. И.И. Шмальгаузена.

Нормальным эволюционным путем развиваются лаборатории биоценотической тематики, к которым относятся лаборатория биоценотических процессов, популяционной экологии и функциональной биоценологии, экологии рыб.

Во главе ботанического цикла работ Института стоит патриарх уральской ботаники П.Л. Горчаковский, если только позволительно назвать так всегда бодрого, подтянутого, полного энергии и идей красивого человека, действительного члена РАН. В недрах этой лаборатории также возникло несколько новых направлений, развившихся в последние годы. Лаборатория дендрохронологии во главе с д.б.н. С.Г. Шиятовым традиционно занимает первые места в институтском рейтинге журнальных публикаций, так как вышла на мировой уровень работ в международной кооперации.

Изучение антропогенного влияния на организмы и экосистемы

Решительным шагом по развитию этой тематики стало создание в 1987 году отдела прикладной экологии под руководством молодого

и весьма энергичного к.б.н. О.Ф. Садыкова (1954 г. р.). Одновременно он заведовал вновь созданной лабораторией экологического нормирования и экспертизы. В отделе прикладной экологии со свойственным ему размахом Олег Фагимович дал импульс новому направлению работ, которыми в наши дни занята добрая треть сотрудников Института. Это принципы разработки экологических нормативов в природопользовании, оценка трансформации экосистем вокруг источников загрязнения среды разной природы: металлургических и химических производств, горнодобывающих предприятий, тепловых электростанций и т. п. Сейчас исследования в начатых направлениях уже на новом уровне идут в лабораториях популяционной экотоксикологии (зав. д.б.н. Е.Л. Воробейчик), экологической экспертизы и прогнозирования (зав. д.б.н., профессор О.А. Жигальский).

Д.б.н. профессор Н.В. Куликов (1929—2000) руководил отделом континентальной радиоэкологии с 1977 года, а работал там с 1955 года. Это был не только талантливый ученый, но и прекрасный организатор науки. Его преемник д.б.н. А.В. Трапезников (1951 г. р.) воспринял лучшие качества своего предшественника и руководителя. Он стоит во главе не только отдела, но и лаборатории общей радиоэкологии. А.В. Трапезников выступил организатором многих новых проектов, среди которых важнейшими можно считать комплексные работы по изучению ВУРСа и установление тесных рабочих контактов с Международным союзом радиоэкологов. В 1995 г. на базе Биофизической станции в г. Заречный проведена Высшая международная школа по радиоэкологии под эгидой НАТО. В ее работе приняли участие слушатели из 23 стран. С 1994 года на базе Биофизической станции там же проведено 19 региональных междисциплинарных семинаров, материалы которых опубликованы в пяти выпусках сборника “Проблемы радиоэкологии и пограничных дисциплин”.

К сожалению, невозможно описать все, даже самые важные стороны жизни Института за 1976—2004 годы. Так много событий они вместили. Одно из них — работа Совета по защита диссертаций. Сильно изменился стиль повседневной работы каждого сотрудника в результате работы отдела информационных технологий и постоянно обновляющейся библиотеки. Нужно отметить и поста-

новку музейного и гербарного дела в Институте. Без добрых слов в адрес канцелярии, отдела кадров, бухгалтерии, производственных подразделений в юбилейной статье нельзя. Праздники кончатся, начнутся будни, и будем надеяться, что для всего Института они, как и раньше, наполнятся работой, которая приносит удовлетворение — и от процесса, и от результата, и от зарплаты.

Встречая свое шестидесятилетие, Институт экологии растений и животных УрО РАН продолжает работать в соответствии с основными направлениями научно-исследовательских работ:

- анализ закономерностей организации, функционирования и динамики надорганизменных систем (популяции, сообщества, экосистемы);
- изучение структурно-функциональных особенностей тундровых, горных и таежных экосистем;
- изучение биологического разнообразия на популяционном, видовом и экосистемном уровне, разработка стратегий сохранения и восстановления биоразнообразия, инвентаризация разнообразия биоты на территории Урала и Западной Сибири;
- разработка теоретических основ охраны природы (экологическое нормирование, биоиндикация, биомониторинг, экотоксикология, радиоэкология);
- изучение биосферных функций леса и их изменений под влиянием глобальных и региональных климатических процессов и антропогенных воздействий;
- реконструкции климата, структуры и функционирования экосистем в позднем кайнозое, анализ закономерностей эволюции сообществ и экосистем.

В его тематику входят задания, включенные в планы в результате победы в конкурсах РФФИ, программ Президиума РАН, Отделения биологических наук РАН, региональных тем и конкурсных заданий, прошедших через отбор Ученого совета Института.

Автор благодарит за содействие В.Н. Большакова, Е.Л. Воробейчика, Л.М. Амеличеву, П.И. Юшкова, И.В. Братцеву, Т.В. Силину.